

Историк Зоологического музея Анатолий Эсперович Серебряков (1890–1938)

Н.В. СЛЕПКОВА

Зоологический институт Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; snv@zin.ru

В статье изложен жизненный путь Анатолия Эсперовича Серебрякова (1890–1938) — историка культуры и переводчика, автора неоконченной работы по истории Зоологического музея, первая часть которой — «Зоологический кабинет Кунсткамеры» — вышла в 1936 г. Сын народо-вольцев-эмигрантов, выпускник Императорского Санкт-Петербургского университета, ученик И.М. Гревса, член Эрмитажного кружка, в советские годы он был арестован трижды. 8 лет Серебряков провёл на Соловках, где, работая в Пушхозе, приобрёл специальность зверовода и интерес к биологии, участвовал в работах по акклиматизации ондатры. В 1934 г. Серебряков, работавший переводчиком при академическом издательстве, был привлечён к сотрудничеству с Институтом истории науки и техники. В 1938 г. был арестован и погиб в заключении. При работе над статьей использованы новые архивные материалы, причем важным источником стали дневники матери А.Э. Серебрякова Екатерины Александровны Серебряковой, супруги художника П.Н. Филонова (Отдел рукописей Государственного Русского музея).

Ключевые слова: А.Э. Серебряков, Е.А. Серебрякова, П.Н. Филонов, Соловецкое общество краеведения, Соловецкий Пушхоз, Зоологический отдел Кунсткамеры, И.М. Гревс, история Зоологического института.

Имя Анатолия Эсперовича Серебрякова (25.04.1890–08.07.1938) — историка и переводчика — известно в настоящее время немногим. Сын народо-вольца-эмигранта Эспера Александровича Серебрякова (1854–1921) и Екатерины Александровны Серебряковой (1862–1942), урожденной Тетельман, впоследствии супруги художника Павла Николаевича Филонова (1883–1941), он погиб в период Большого террора. В 1934 г. он приступил к написанию истории Зоологического музея Академии наук, и успел закончить лишь первую её часть, посвящённую становлению зоологической коллекции в составе Кунсткамеры. Эта статья «Зоологический кабинет Кунсткамеры», охватывающая период от начала сбора зоологических коллекций до пожара Кунсткамеры в 1747 г., была опубликована в 1936 г. Оригинальность и широта подхода, которыми характеризуется эта работа, побудили автора этих строк искать ответ на вопрос о том, кто написал это исследование и почему оно не было продолжено. Настоящая статья дает ответы на поставленные вопросы.

Помимо литературных источников в работе были использованы дневник матери Анатолия Эсперовича Екатерины Александровны Серебряковой и другие материалы Отдела рукописей Государственного Русского музея (ОР ГРМ) из фонда Филонова (Ф. 156), материалы Государственного музея политической истории России (ГМПРИ), Архива Российской академии наук (РАН) и архивных фондов УФСБ¹.

¹ Справка от 20.03.2013 г. является ответом УФСБ на запрос о Серебрякове, составленный по материалам архивных уголовных дел № П-93190 (1924 г. пр-ва) и № П-6079 (1938 г. пр-ва), находящихся на хранении в архивных фондах УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Далее: Архив УФСБ.

Семья. Детство и юность за границей

Отец Анатолия Эсперовича, Серебряков Эспер Александрович, сын действительного статского советника, инженера при Варшавской железной дороге, был морским офицером. С 1879 г.² он состоял членом военной организации «Народная воля». Когда организация была выдана С.П. Дегаевым³ и начались аресты, он был вынужден в августе 1883 г. уехать из России. В Париже Серебряков сотрудничал в «Вестнике Народной воли», в издательстве Фонда вольной русской прессы и т. п. (Тютчев, 1925, с. 150–151). За границей он сблизился с будущей матерью Анатолия Эсперовича — Екатериной Александровной Тетельман. Она в ранней молодости также вступила в организацию «Народная воля» и свыше двадцати лет провела в эмиграции, участвуя в издательской деятельности мужа. В 1885–1886 гг. Эспер Александрович состоял на службе у правительства Болгарии и совершал рейсы по Дунаю в качестве капитана парохода. Он участвовал в Болгаро-сербской войне⁴ в качестве командующего болгарской Дунайской флотилией. После ареста А. Батенберга⁵ Е.А. Серебряков подал в отставку и вернулся в Париж (Тютчев, 1925, с. 151).

У Эспера Александровича и Екатерины Александровны было четверо детей: Владимир, Анатолий, Анна и Петр. Меньше всего известно о старшем — Владимире. Он родился в 24 марта⁶ 1885 (?) г.⁷ Когда семья Серебряковых приняла решение вернуться в Россию, он, по всей видимости, остался в Лондоне, где позже, в 1912 г.⁸, женился. Мать была связана с сыном перепиской. В 1912 г. она ездила в Лондон по просьбе сына присутствовать при первых родах его жены Ethel⁹. Связи поддерживались и позднее. В записи от 7 января 1929 г. говорится: «Мне П[авел] Н[иколаевич] советует поехать к сыну в Лондон»¹⁰. Последние записи дневника матери, посвящённые Владимиру, относятся к 1936 г.¹¹

В точной дате рождения второго сына — Анатолия — имеются некоторые расхождения. Он родился 1890 г. в Париже. 25 марта (25.III) — указано в справке, по которой

² ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 249. Л. 1. Справка из Музея революции от 24 января 1928 г.

³ С.П. Дегаев (1857–1921) с 1878 г. в революционном движении, в 1882 г. завербован инспектором секретной полиции, подполковником Отдельного корпуса жандармов Г.П. Судейкиным, одновременно возглавил Центральную группу «Народной воли». Выдал властям многих народовольцев, в том числе В.Н. Фигнер, фактически поспособствовал ликвидации «Народной воли» в 1880-е гг. Разоблачен народовольцами как провокатор (1883). Спасая свою жизнь, организовал у себя на квартире убийство Судейкина, после чего после партийного суда в Париже, помилован партией с условием покинуть политику. Эмигрировал в США, где под именем Александр Пелл стал профессором математики.

⁴ Итогом Сербско-болгарской войны (14–28 ноября 1885 г.) явилось признание европейскими государствами акта Объединения Болгарии.

⁵ Князь Александр I Болгарский (Баттенбергский) (1879–1886) — первый правитель независимой от османского господства Болгарии.

⁶ «24 марта был день рождения В.» (ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 40. Л. 3); запись от 25 марта: «Вчера был день рождения Володи» (Там же. Л. 42).

⁷ В одном месте дневника мать вспоминает некий эпизод, бывший в Женеве в 1883 г. и указывает, что через три года она приехала в Лондон с Эспером и Володей, которому был год (Там же. Д. 34. Л. 18).

⁸ Там же. Д. 242. Л. 33.

⁹ Там же. Л. 40.

¹⁰ Там же. Д. 39. Л. 2 об.

¹¹ Там же. Д. 44. Л. 9, 9 об.

он был зарегистрирован в 1932 г. при взятии на учёт в Святошинском отделе милиции г. Киева после освобождения из УСЛАГА ОГПУ¹². У матери же в дневнике указана другая дата: «Родился Толя 25 апреля 1890 г. в Neuilly, близ Парижа»¹³ (по всей видимости, имеется в виду промышленный пригород Парижа Нёйи-сюр-Сен). Эта дата — 25 апреля — попадает в дневнике несколько раз¹⁴. Она более точная.

Сохранился так называемый «Дневник Анатолия Серебрякова-Тетельман» за 1894–1899 гг., в котором мать делала записи, ему посвящённые. Такие дневники она заводила на всех своих детей. «Сколько жизни и веселья в этом ребенке»,¹⁵ — пишет она про своего четырёхлетнего сына. Есть в этом своеобразном дневнике записи, свидетельствующие о передавшихся ребенку антимонархических настроениях семьи народовольцев-эмигрантов. Так, 4-летний Толя «мечтает быть кондуктором на железной дороге. Царя и царицу закутает и бросит в товарный вагон и туда же поместит слона, который их раздавит»¹⁶. Один фрагмент из Толиного дневника даже был украден в качестве, видимо, улики, служанкой-шпионкой. Е.А. записала:

«Начало дневника украли девушка в [1]907–908 когда мы жили в Куоаколо. Была у нас В. Фигнер и еще несколько человек. Я им прочитала выдержки из дневника Толи, где он говорит “moi grand, moi elephant” с хоботом убью царя” и рисунок Толи, где царя, лежащего на деревянной скамье (под скамьей ночной горшок), секут два мужика. Девушка-служанка оказалась шпионкой; мы ее уличили, когда она подслушивала»¹⁸.

Третьим ребенком Серебряковых была дочь Анна (1893–1897), умершая в младенчестве¹⁹. Ещё вместе с дочерью семья перебралась в Лондон. Возможно, это было 20 февраля 1894 г.²⁰ Ещё один сын, бывший на 8 лет моложе Анатолия Эсперовича, — Серебряков Петр Эсперович (1898–1938) — родился 24 сентября²¹ уже в Англии, в Лондоне, где прошли детские годы и Анатолия Эсперовича. В ОР ГРМ есть фотография семьи²² — родители и все три сына в период пребывания семьи за границей, сделанная, как указано в подписи к такой же фотографии из ГМП ИР, в 1906 г. (рис. 1).

В Лондоне в 1899–1902 гг. отец семейства Эспер Александрович Серебряков издавал журнал «Накануне» (Тютчев, 1925, с. 151). В соответствии с манифестом 1905 г. у него появилась возможность вернуться в Россию, но сначала на протяжении трёх лет Серебряковы жили в Финляндии. В дневнике Е.А. вскользь упоминаются Териоки в

¹² ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 245. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 40. Л. 1 Нёйи-сюр-Сен (Neuilly-sur-Seine) город во Франции, на правом берегу Сены, в департаменте О-де-Сен.

¹⁴ «26 апреля [1894] <...> вчера был день его рождения» (ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 40. Л. 5 об.); «25 [апреля] был день его рождения» (Там же. Л. 60 об.).

¹⁵ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 40. Л. 3 об.

¹⁶ Там же. Л. 7 об. 3 июня 1894 г. Подчёркнуто красной волнистой чертой.

¹⁷ Я слон, я большой... (фр.)

¹⁸ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 40. Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 36. Л. 20, 23.

²⁰ В дневнике у Серебряковой указано: «20-го февраля мы с Толей, Володей и Аней приехали в Лондон» (ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 40. Л. 2). Отец их встречал.

²¹ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 34. Л. 23; Ф. 156. Д. 40. Л. 62.

²² Там же. Д. 229. Л. 1.

Рис. 1. Семья Серебряковых перед возвращением в Россию. Стоят: Екатерина Александровна Серебрякова-Тетельман, Владимир, сидят (слева направо): Анатолий, Петр, Эспер Александрович Серебряков. 1906 г. (ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 229. Л. 1)

1906 г.²³ и Куоккала в 1907–1908 гг.²⁴ Териоки как место первоначального проживания семьи называет и Тютчев (1925, с. 144). Здесь, в Финляндии, царская охранка, как он пишет, не в состоянии была свирепствовать.

Детство и юность, проведённые в Париже и Лондоне, дали Анатолию Эсперовичу хорошее знание двух европейских языков и возможность впоследствии работать переводчиком.

Обучение в университете. Эрмитажный кружок. Начало работы. Первый арест и отъезд за границу

В 1908 г. Анатолию исполнилось 18 лет. Семья из Финляндии перебралась в Петербург. Вероятнее всего, это было связано с необходимостью готовить старшего сына к поступлению в университет. В декабре 1908 г. Серебряковы жили в Шувалово под Петербургом. 29 мая 1911 г. Анатолий сдавал экзамен и 17 июля «принес свой аттестат»²⁵.

²³ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 40. Л. 80: «Имя его [Морозова] мне дорого с юных лет. Он с женой пришли с нами знакомиться еще в 906 г. в Териоках».

²⁴ Там же. Л. 1.

²⁵ Там же. Д. 242. Л. 23. Дневник Пети.

Как пишет в воспоминаниях М.М. Левис, он «сдал экзамен при одной из петербургских гимназий»²⁶. По всей видимости, это был какой-то экзамен, необходимый для поступления в университет, свидетельства о котором у сына эмигранта, постоянно переезжавшего и учившегося за границей в самых разных местах, не было. Скорее всего, в этом же году он поступил на Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, который закончил в 1915 г. (Анциферов, 1992, с. 499). Семья какое-то время жила на Петроградской стороне на Ждановской ул. д. 7, кв. 3,²⁷ какое-то — на Васильевском острове, на 1-й линии²⁸.

В студенческие годы Серебряков активно участвовал в семинариях И.М. Гревса²⁹ и М.И. Ростовцева³⁰. Также он был членом Эрмитажного кружка (Анциферов 1992, с. 499), созданного в 1910 г. по инициативе студентов Гревса — А.А. Гизетти (1888—1938) и Н.П. Анциферова (1889—1958). Одной из главных целей кружка была подготовка руководителей экскурсий для проведения «культурной работы среди рабочих» (Конечный, Кумпан, 1991, с. 7). Кружок собирался примерно раз в неделю у кого-нибудь на дому. На собраниях кружка обсуждались политика, литература, история. Деятельность Эрмитажного кружка, ставшего родоначальником экскурсионного дела, была прервана Первой мировой войной (там же, с. 8). Сохранилась фотография членов кружка с Анатолием Эсперовичем, сидящим в первом ряду³¹ (рис. 2, 3).

В воспоминаниях Анциферова есть короткая характеристика, данная Серебрякову как одному из своих товарищей по семинарию И.М. Гревса и Эрмитажному кружку:

«Третий товарищ по семинарию — А.Э. Серебряков, сын известных революционеров. Он вырос в эмиграции. Возвращение на родину сделало его пылким патриотом. Он был любознателен, постоянно чем-нибудь увлекался. Был отзывчив и очень суетлив и многоречив. Но в нем не было той устойчивости, той серьезности, как в других членах нашего кружка». (Анциферов, 1992, с. 207).

В другом месте Анциферов также упоминает Серебрякова как патриота и оборонца:

«На одном из наших собраний вспыхнул спор между оборонцем Серебряковым и пораженцем Чикаленко. Спор был очень горячий, хотя и без “личностей”. Левко хотел разгрома России не только как русский революционер, но и как украинский патриот» (Анциферов, 1992, с. 209).

²⁶ Государственный музей политической истории России (ГМПРИ). Ф. 4 Д. 2461. № Вс 1947—1952. Л. 79. М.М. Левис была знакома с А.Э. в университетские годы.

²⁷ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 242. Л. 27.

²⁸ Е.А. пишет в 15 апреля 1922 г. «Два года тому назад, живя на 1 линии, мы с ним пошли в церковь на той же линии» (Там же. Д. 34. Л. 48 об.)

²⁹ Иван Михайлович Гревс (1860—1941) — историк, специалист по Римской империи, педагог, краевед и общественный деятель. Теоретик и сторонник экскурсионного метода в преподавании истории.

³⁰ Михаил Иванович Ростовцев (1870—1952) — историк, филолог-классик, академик (1917). Специалист по экономической истории и по античному Причерноморью.

³¹ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 246. Л. 1. Она публиковалась в воспоминаниях Анциферова 1992 г., как сделанная в 1913 г., а в описи ОР ГРМ значится под 1914 г.

Рис. 2. Эрмитажный кружок. 1913. Нижний ряд: Ф.А. Фьельstrup, Л.Е. Чикаленко, А.Э. Серебряков, Н.П. Анциферов. Второй ряд: М.А. Георгиевский, Г.Э. Петри, Е.О. Флеккель, В.В. Табунщикова, М.М. Левис, Л.Ф. Завалишина, Т.Н. Оберучева. Стоят: В.П. Красовская, А.А. Гизетти, А.В. Шмидт, Е.А. Лютер, Т.С. Стахевич, А.В. Тищенко, В.Н. Николаева, А.П. Смирнов. (ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 246. Л. 1). Публиковалась в воспоминаниях Анциферова, 1992 г., как сделанная в 1913 г., в описи ОР ГРМ — 1914 г.

Н.П. Анциферов был однокурсником Серебрякова. На фотографии свадьбы Анциферова 1914 г. (Анциферов, 1992) рядом с А.Э. Серебряковым — Людмила Федоровна Завалишина (рис. 4). После Петрозаводской и Пензенской гимназий она поступила на Высшие женские (Бестужевские) курсы, которые окончила в 1911 г. по группе Всеобщей истории. В начале 1920-х гг. она стала женой А.Э. Серебрякова (Анциферов, 1992, с. 477)³². Она была дочерью товарища Эспера Серебрякова по «Народной воле», члена военного кружка Федора Ивановича Завалишина³³.

Ещё одну характеристику Анатолия Эсперовича этого периода находим в воспоминаниях М.М. Левис:

«Упомяну нашего друга детства Толю Серебрякова, милого и миловидного, способного и необыкновенно доброго, вечно занятого тысячью дел, вечно взволнованного, плохо произносившего русское “р” (из-за своего английского воспитания) и поэтому слегка картавившего и шепелявившего. Мы с Таней называли его “ангел в студенческой форме”»³⁴.

³² Вторая жена Серебрякова, имя первой его жены не известно.

³³ ГМ ПИР. Ф. VI. № ВС-4454. С. 80-81.

³⁴ ГМ ПИР. Ф. VI. № ВС-4454. С. 80-81. Автор выражает свою признательность за эту информацию В.М. Ушаковой.

По окончании университета А.Э. Серебряков был оставлен при кафедре Всеобщей истории и одновременно стал преподавать историю в Коммерческом училище в Лесном (Анциферов, 1992, с. 499). Коммерческое училище в Лесном, наряду с Тенишевским училищем, относилось к числу «новых учебных заведений, которые первыми перешли к системе образования с помощью экскурсии». Экскурсии считались в нём обязательной частью учебного курса. Согласно экскурсионному плану, который был здесь разработан и с успехом проводился в жизнь, каждый учащийся за всё время обучения участвовал примерно в 60 экскурсиях (Юхневич, 2005, с. 19; Глезеров, 2001, 2007). Не вызывает сомнений, что экскурсии по истории водил и Серебряков.

По сведениям Александра Иосифовича Добкина, в июле 1918 г. Анатолий Эсперович был командирован в Архангельскую и Вологодскую губернии «для осмотра состояния древних церквей Севера в связи с поручением Археологической комиссии». Какое-то время он служил младшим хранителем Художественного музея в Вологде. Весной 1920 г. он был ненадолго арестован местной ЧК (Анциферов, 1992, с. 499). О периоде этого заключения в дневнике матери сохранилось следующее свидетельство, записанное на Пасху 15 апреля 1922 г.: «В позапрошлом году в это время Толя был в Вологде, в лагере принудительных работ. Ему захотелось пойти в церковь. И его кто-то заметил из ЧК и сделал выговор, что Серебрякова держат не строго и чтобы его не выпускали в город, и некоторое время его не выпускали»³⁵. По освобождении Анатолий Эсперович бежал за границу. «Я работать не могу, когда вокруг такое делается», — говорил он своей знакомой (Анциферов, 1992, с. 499).

13 марта 1921 г. в Петрограде скончался его отец (Тютчев, 1925, с. 144, «Народная воля», 1989, с. 370)³⁶. По переезде в Петербург Эспер Александрович начал сотрудничать в журнале «Вестник знания», где он вёл отдел «Среди журналов» (1908—1911), занимался переводами с английского и французского языков.

«Им переведены были: Э. Ренан — «Евангелие и второе поколение христианства», «Святой Павел», Д. Кенан — «Сибирь и ссылка», Бичер-Стоу — «Дрэд», ром[ан] «Робинзон Крузе», Дарвин — «Путешествие на корабле Бигль», Эд. Дженкс — «Происхождение власти»³⁷ и Шредер «Женщина и Труд», — пишет Тютчев (1925, с. 152).

В ГМПИР хранится его фотография в составе редакции «Вестника знаний» (рис. 5)³⁸.

³⁵ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 34. Л. 49 об.

³⁶ Когда Анатолий Эсперович эмигрировал, отец был еще жив: «проводжали его с отцом» (ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 42. Л. 11). То есть это было до 13 марта 1921 г.

³⁷ Ренан, 2009; Дарвин, 1913; Дженкс, 1907.

³⁸ Ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал с приложениями для самообразования. Выходил в Петербурге с 1903 по 1918 г. Редактор-издатель В.В. Битнер.

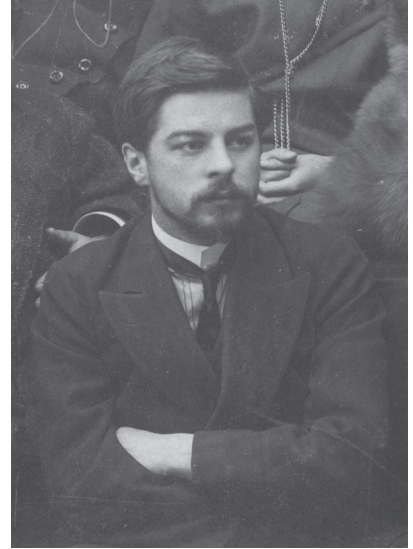

Рис. 3. А.Э. Серебряков — студент, член Эрмитажного кружка.
Фрагмент рис. 2

Рис. 4. Свадьба Т.Н. и Н.П. Анциферовых. 5 февраля 1914. Нижний ряд: Г.Э. Петри, А.Я. Шульгин, Б.Н. Толпыго. Второй ряд: Л.Н. Оберучева, Т.Н. и Н.П. Анциферовы, Т.Б. Толпыго, Л.Б. Чикаленко. Третий ряд: неуст. лицо, В.П. Красовская, Л.В. Шульгина (ур. Бублик), неуст. лицо, неизвестная дама, В.В. Табунщикова, Т.С. Стахевич, М.М. Левис, В.М. Михайлова, Л.Ф. Завалишина, А.Э. Серебряков. Четвертый ряд: неуст. лицо, А.В. Шмидт, неуст. лицо, Е.Н. Нечаева, А.В. Тищенко, неуст. лицо, Ф.А. Фельдструп, Г.А. Бонч-Осмоловский. Атрибуция О.Б. Враской. (Анциферов, 1992)

После Февральской революции Серебряков-старший вступил в одну из эсеровских групп, был в числе так называемых оборонцев, участвовал в редактировании газеты «Народ». Он был товарищем председателя и членом исполнительной комиссии временного Василеостровского городского комитета, а затем гласным Василеостровской районной думы и лектором культурно-просветительского отдела при штабе округа. Однако после Октябрьской революции он порвал с эсерами, устранился от общественной активности и сосредоточился на научной и литературной деятельности, работал в Историко-революционном архиве. Он входил в состав комиссий Музея революции, участвовал в создании выставки, посвящённой истории «Народной воли», написал воспоминания о П.Л. Лаврове (Тютчев, 1925, с. 152). Екатерина Александровна в дневнике 1921 г. упоминает, что в конце жизни он чурался политики: «Э.А. нередко меня останавливал “не говори мне о политике, я хочу забыть о ней, а ты мне напоминаешь”»³⁹.

Посмертный портрет с Эспера Александровича попросили написать соседа по дому Павла Николаевича Филонова. Между соседями Екатериной Александровной и Павлом Николаевичем возникла симпатия. Через некоторое время Екатерина Александровна стала женой этого известного художника. Благодаря этому обстоятельству архив семьи Серебряковых частично сохранился в фонде Филонова в ОР ГРМ.

Екатерина Александровна была старше Филонова почти на 20 лет. Зарегистрировали они свои отношения очень нескоро и по инициативе П.Н. Филонова —

³⁹ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 34. Л. 5 об.

Рис. 5. Группа сотрудников редакции «Вестник знания»: Е.Е. Лазарев, А.Э. Серебряков, Горский, Экспер. 1917 Петроград (ГМП.ИР. Ф. 3 № 14426)

в октябре 1929 г.⁴⁰ С сыновьями Екатерины Александровны Петром и Анатолием у Филонова сложились хорошие отношения. Петр стал его учеником. Анатолий позднее даже писал о Филонове. Сама Екатерина Александровна работала в это время переводчиком и преподавателем английского языка. Она участвовала в работе Ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-переселенцев, существовавшего в 1924–1935 гг.⁴¹, писала воспоминания (Серебрякова, 1924).

Через некоторое время после того, как Анатолий Эсперович покинул Россию, он прислал матери свой адрес. С 1920 г. он проживал в Финляндии, работая переводчиком⁴². Екатерина Александровна писала в декабре 1922 г.:

«26го пришло письмо от Толи с адресом».⁴³ И дальше, в феврале 1923 г.: «Сегодня получила прекрасное письмо от Толи. Долго оно шло и письмецо, как благоухающая роза, от его подруги Рафаели. Петю и меня письмо это чрезвычайно порадовало, так мы уже с декабря не имели никаких известий и беспокоились. Довольна я и спокойна за Толю. Давно мне хотелось, чтобы он кого либо, достойного его, полюбил бы. Особенно это существенно на чужбине. По всем видимостям нашлась такая девушка. Только я не со всем согласна в их отношениях и об этом буду ему писать»⁴⁴.

⁴⁰ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 40. Л. 65. Екатерина Александровна неоднократно отказывалась от регистрации, даже ссылаясь на то, что «прожила <...> с Эспером Александровичем почти 36 [лет] и без всяких обрядностей» (Там же. Д. 39. Л. 27 об).

⁴¹ <http://www.wmnsppb.ru/anons/kultura/1515-pana.html>

⁴² Архив УФСБ.

⁴³ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 35. Л. 2.

⁴⁴ Там же. Л. 11 об.

Все, как кажется, шло более или менее благополучно, однако через некоторое время Анатолий Эсперович совершил поступок, который коренным образом изменил всю его дальнейшую судьбу.

Возвращение. Второй арест

В 1924 г. Анатолий Эсперович тайно вернулся в СССР, соскучившись по матери и друзьям, как свидетельствует комментатор воспоминаний Анциферова Александр Иосифович Добкин. При попытке возвращения обратно в Финляндию на лыжах по льду залива он был арестован, оказав вооруженное сопротивление (Анциферов, 1992, с. 499). Запись из дневника матери позволяет точно указать дату ареста — 23 февраля 1924 г.⁴⁵ Эта же запись переносит нас в характерную атмосферу тех мытарств, которые претерпевали родственники находившихся под следствием. 10 февраля 1925 г. Екатерина Александровна писала:

«Что за день! Утром торопилась в губпрокуратуру. Пришла в 11. Крастин⁴⁶ пришел поздно; получила разрешение около часу. В ДПЗ в 4^е отделение попала во вторую очередь. Говорили мы недолго. Толя в подавленном настроении, говорил 23 будет год, как арестован, что если 25 все так неопределенно будет, то он объявит голодовку. Я не советовала, так как дело в Москве и пока от местных не зависит. Минут через десять нас лишили свидания, п[отому] ч[то] он ел яблоко, а фрукты запрещены. Тут же рядом арестован[ный] пил из бутылки молоко с сухарями. Я так обалдела, что потеряла пропуск. Меня не выпускали и запретили, пока свидание со всеми не окончится, искать его»⁴⁷.

Судьба Анатолия решалась не быстро. Мать пыталась употребить все свои связи, чтобы вызволить его.

«16 декабря 1924 г. отправилась к Толе на свидание, мне его не дали. Он был в Особом ярусе, отняли разрешения на свидания, которое было постоянным, данное в июле следователем Хотяки, к[ото]рым я и пользовалась. На мой вопрос “где же мой сын?” ответили “откуда я знаю, справьтесь в ГПУ”. Я направилась к прокурору К. Он мне сказал, что он там же. <...> В тот же вечер я уехала в Москву. Видела 17го утром Черткова⁴⁸, который за Толю

⁴⁵ 23 февраля 1924 г. был задержан пограничным постом № 4 ОПТУ в Ленинградском военном округе при нелегальном переходе через границу. Обвинён в совершении преступлений, предусмотренных ст. 66, ч. 1, 86, ч. 1, 98 и 220 УК РСФСР в редакции 1922 г. (нелегальный переход границы с разведывательными целями, вооруженное сопротивление) (Архив УФСБ).

⁴⁶ Крастин Иван Андреевич (Kraстинš Jānis) (1904–1936) — начальник Следственного отдела Петроградского губернского Революционного трибунала, в 1922–1926 гг. — прокурор Петроградской / Ленинградской губернии, в 1932–1933 гг. — прокурор Восточно-Сибирского края, в 1936 г. — заместитель Генерального прокурора СССР, в 1935–1936 гг. — директор Всесоюзной правовой академии при Народном комиссариате юстиции РСФСР. Покончил жизнь самоубийством (<http://www.knowbysight.info/ККК/09273.asp>).

⁴⁷ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 35. Л. 27 об., 28.

⁴⁸ Вероятно, Владимир Григорьевич Чертков (1854–1936) — лидер толстовства как общественного движения, близкий друг Л.Н. Толстого, редактор и издатель его произведений, общественный деятель.

хлопотал. Он видел Енукидзе,⁴⁹ Смидовича,⁵⁰ писал Зиновьеву⁵¹. И что все обещали содействие. Видела Ряз. (? неразборчиво). "Ваш сын будет жив" встретил он меня. 18го встретила Стучку⁵². <...> я ему в нескольких словах рассказала, в чем дело. "Вам не о чем беспокоиться" — сказал он. На Спиридоновке 30го пошла записаться к Катаньяну⁵³ <...> В тот же вечер поехала в редакцию "Известий" повидать Стеклова⁵⁴ <...> 19го к 12 явилась в Наркомюст. Народу было много. Через полчаса, боясь, что не примет и уйдет, как говорили, бывает, написала записку "прошу принять меня, жену известного народовольца Э.А.С. бывший член п.Н.В."»⁵⁵.

Катаньян принял, но решения не было ни 22, ни 23, ни 24⁵⁶. 27-го она уехала в Ленинград. Свидание в конце концов было разрешено: «Только вы по иностранному не говорите и не шепчитесь», — попросили её. «До этого не виделась с Толей 3 недели», — замечает мать.⁵⁷

Наконец, участь Серебрякова определилась. Екатерина Александровна пишет: «бго (возм. января 1925) снова виделись. Возвратившись поздно с П.Н.⁵⁸ домой нашли телефонограмму от Пешковой:⁵⁹ "Постановлением особого совещания сын ваш ссылается в Сибирь на 3 года"»⁶⁰. Однако это был ещё не конец. Окончательный приговор оказался гораздо более суровым. Что конкретно случилось, из кратких записей матери понять трудно. Она пишет: «...злополучный разговор с Генкиным,⁶¹ в котором я завралась, протест в Москву из ГПУ. Моя поездка в Москву. Встреча с Катаньяном и ссылка Толи в Соловецк — на 10 лет. Все это имеется среди моих бумаг»⁶².

Из материалов архива УФСБ следует, что «постановлением Коллегии ОГПУ от 16 февраля 1925 года Серебряков был осужден к высшей мере наказания — расстрелу». Однако

⁴⁹ Енукидзе Абель Сафронович (1877–1937) — секретарь Президиума ЦИК СССР с декабря 1922 г. по 3 марта 1935 г.

⁵⁰ Смидович Пётр Гермогенович (1874–1935) — партийный и государственный деятель СССР.

⁵¹ Зиновьев Григорий Евсеевич (1883–1936) — революционер, советский политический и государственный деятель.

⁵² Стучка Пётр Иванович (Петерис Янович) (Pēteris Stučka, 1865–1932) — писатель, юрист, политический деятель Латвии и Советского Союза, один из организаторов Коммунистической партии Латвии.

⁵³ Катаньян Рубен Павлович (1881–1966) — помощник прокурора РСФСР с 1923 г., затем старший помощник прокурора Верховного Суда СССР. В 1933–1938 гг. — старший помощник прокурора Верховного Суда СССР по специальным делам (<http://ru.wikipedia.org/>).

⁵⁴ Стеков Юрий Михайлович (Нахамкис) (1873–1941) — политик, историк, публицист. Специалист по истории марксизма, революционного движения. Редактор «Известий» (с 1917 г.). Репрессирован.

⁵⁵ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 35. Л. 28. (запись от 10 февраля 1925 г.).

⁵⁶ Там же. Л. 29 об.

⁵⁷ Там же. Л. 30.

⁵⁸ Павел Николаевич Филонов.

⁵⁹ Пешкова Екатерина Павловна (1876–1965) — первая жена Горького. С 1922 г. возглавила организацию «Помощь политическим заключённым», которая просуществовала до 1937 г.

⁶⁰ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 35. Л. 30 об.

⁶¹ Возможно, Генкин Яков Михайлович (1888–1970) — деятель ВЧК, ОГПУ и НКВД СССР. Старший майор Госбезопасности (с 29 ноября 1935 г.).

⁶² ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 35. Л. 30 об.

«постановлением Коллегии ОГПУ от 2 марта 1925 г. в порядке пересмотра дела, принимая во внимание революционные заслуги его отца, Серебрякову А.Э. приговор изменен на заключение в концлагерь сроком на 10 лет. Срок наказания отбывал в Соловецком лагере (СЛАГ) ОГПУ»⁶³.

На Соловках

На Соловках Анатолий Эсперович какое-то время был научным сотрудником Соловецкого общества краеведения (СОК) (рис. 6) и опубликовал очерк о его работе⁶⁴. Общество краеведения прошло несколько этапов становления, начало которым положило создание в 1924 г. Комиссии по изучению флоры и фауны Соловецких островов, затем переименованной в Комиссию по всестороннему научному обследованию природы Соловецких островов. Позже Комиссия была преобразована в Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения, образовав впоследствии независимое Соловецкое общество краеведения (Бродский, 2002, с. 285–286). При Соловецком отделении Архангельского общества краеведения в мае 1925 г. был основан Кружок любителей природы и краеведения. Первоначально он имел только естественнонаучную направленность, но вскоре присоединились любители соловецкой старины, возникла историко-археологическая секция (Отчет СОАОК... 1927, с. 41). В отчёте кружка имя А.Э. Серебрякова мы встречаем среди докладчиков естественнонаучной секции, хотя работа его историко-археологическая. Так, на заседании 21 января 1926 г. он сделал сообщение на тему «О медных монастырских клише» (там же, с. 43). Что он изучал — клише для отливки икон или печатные формы для воспроизведения текста и иллюстраций, узнать не представляется возможным.

В СОК в разное время входили: гидробиолог А.А. Захваткин, геолог А.А. Глаголев, лесовод Л.М. Принцев, садовод В.Н. Дегтярев, филолог Д.С. Лихачев, этнограф и краевед Н.Н. Виноградов, ботаник и климатолог В.И. Кривош-Неманич, зоолог К.Л. Чуднов, орнитолог Г.И. Поляков, почвовед С.В. Жуков, философ Л.А. Мейер, историки В.П. Никольский, А.П. Приклонский и В.И. Масальский, географ П.К. Казаринов и др. (Пребывает вечно, 2011, с. 128; см. также Сошина, 2011). Возможно, под влиянием некоторых товарищей по обществу у Серебрякова появился интерес к зоологии.

Через некоторое время Серебряков был переведён в Пушхоз (Анциферов, 1992, с. 499). В этот период, занимаясь теорией и практикой звероводства,

Рис. 6. Эмблема Соловецкого общества краеведения. (Бродский, 2002, с. 285)

⁶³ Постановлением Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 2 апреля 2003 г. все постановления Коллегии ОГПУ в части осуждения Серебрякова А.Э. по ст. 66 ч. 1 УК РСФСР отменены, и уголовное дело в этой части прекращено за отсутствием состава преступления. Также суд постановил считать Серебрякова А.Э. осуждённым по ст. 86 ч. 1, ст. 98 и 220 УК РСФСР в ред. 1922 г. по совокупности преступлений на 5 лет лишения свободы.

⁶⁴ Издан трижды (Серебряков, 1926а, б, 1927).

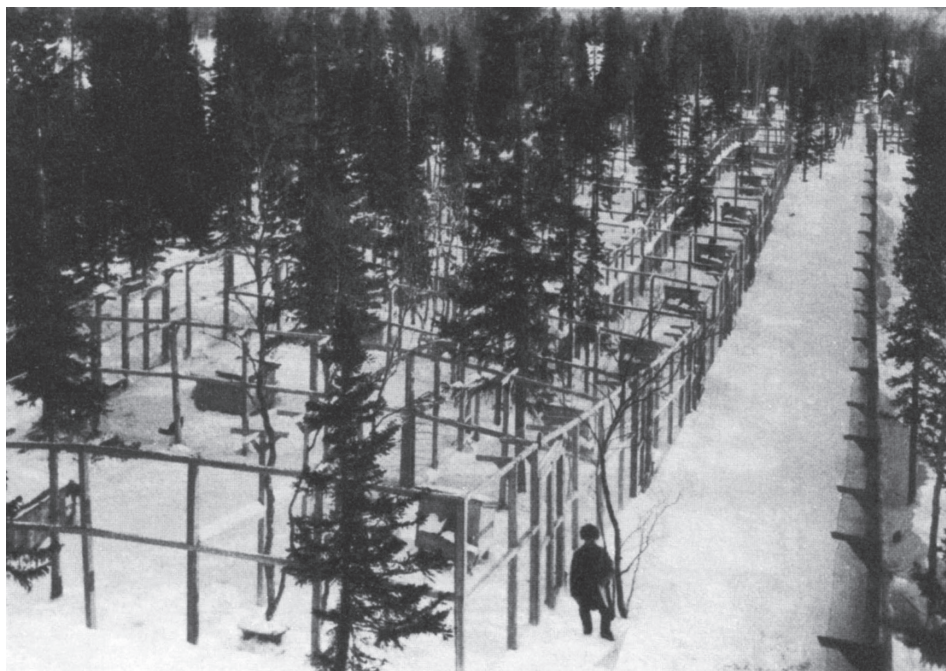

Рис. 7. Пушхоз на Соловках. (Бродский, 2002, с. 310)

Серебряков приобрел, как он писал впоследствии, «наряду с некоторыми элементарными понятиями по зоологии и некоторый интерес к биологическим наукам»⁶⁵.

Питомник пушных зверей (рис. 7) возник на базе биосада (Захваткин, 1927, с. 11), основанного в 1924 г. Комиссией по изучению флоры и фауны Соловецких островов первоначально для содержания птиц. О Соловецком Пушхозе есть воспоминания Михаила Захаровича Никонова⁶⁶:

«В непосредственной близости от каменной дамбы, объединяющей главный Соловецкий остров с островом Муксалминским, находится неширокий пролив, ведущий в большое внутреннее море, врезающееся в Соловецкий остров. Это внутреннее море — Глубокая губа — усеяно множеством покрытых лесом островов и островков. На трех больших островах — Лисьем, Песцовом и Кроличьем — расположился Соловецкий Пушхоз. На зооферму можно было попасть, переправившись на лодке через пролив или с противоположного ему берега Глубокой губы, от Варваринской часовни — тоже на лодке» (Бродский, 2002, с. 309).

Пушхозом заведовал финн Карл Густавович Туомайнен (1893–1937) (рис. 8), уроженец Финляндии, возглавлявший пушное хозяйство в Карелии. Он три года отсидел на Соловках и остался служить по договору с ГПУ. Туомайнен жил в отдельном

⁶⁵ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 518. Оп. 3. Д. 1495 (1938). См.: http://www.ras.ru/VArchive/pageimages/518/3_1495/001.jpg

⁶⁶ Имеется в виду М.З. Никонов-Сморodin, автор книги «Красная каторга».

Рис. 8. Зверовод Карл Туомайнен и писатель Максим Горький в крольчатнике на о. Большая Муксалма. 1929. (Бродский, 2000, с. 309)

домике на Лисьем острове с женой Полиной Андреевной (Бродский, 2002, с. 310). Впоследствии в сентябре 1937 г. он был арестован и репрессирован «по 1-й категории», то есть расстрелян 28 декабря 1937 г.

Имя Туомайнена неоднократно появляется на страницах дневника матери Анатолия Эсперовича. С Анатолием его связывали дружеские отношения. По предложению Туомайнена было начато разведение кошек на мех и собак на племя. Выращивание кошек было вскоре прекращено, но собачий питомник остался, а Туомайнену поручили заняться разведением красных лисиц. Позже из Америки были приобретены черно-серебристые лисы, и основан настоящий промышленный питомник пушных зверей. В Германии закупили сорок шесть шиншилловых кроликов. Из Забайкалья привезли диких соболей, которые в апреле 1930 г. дали первый приплод. Было также завезено стадо настоящих северных оленей. Наконец, в Пушхозе велись работы по акклиматизации ондатры, в которых А.Э. Серебряков весьма преуспевал.

В воспоминаниях Никонова, приводимых Бродским, есть непосредственные свидетельства о Серебрякове этого периода:

«Наблюдением за оленями, за разведением также в вольном состоянии американской мускусной крысы ондатры и другими звероводческими делами ведал Анатолий Эсперович Серебряков, профессионал, присланный из СОКа. Странна судьба этого человека. До семнадцати лет жил в Англии и, конечно, в совершенстве знал английский язык <...> Отец Серебрякова — русский эмигрант старого времени, ставший английским моряком, мать — еврейка, получающая от советского правительства пенсию как активная участница народовольческого движения. Сам же он был глубоко религиозный и православный человек, сидящий здесь за свое православие и борьбу с коммунизмом» (Бродский, 2002, с. 310).

В этой цитате — одно из нескольких известных в настоящее время свидетельств, характеризующих отношение Серебрякова к новой власти.

«Вообще, пушное хозяйство не имело бутафорского вида, — вспоминал Никонов, — и развернутый потом на материке из Соловецкого Пушхоза питомник давал лучшие по Союзу шкурки <...>. В период существования Пушхоза в нем не было охраны и административной опеки над специалистами, отсутствовало угнетение младших старшими, сексоты были редкостью. Если прибавить сюда хорошее питание и отличные, после Кремля⁶⁷, жилищные условия, то станут понятны и хорошие показатели, и даже рекорды дружной семьи пушхозовцев» (Бродский, 2002, с. 310).

Однако впечатления самого А.Э. Серебрякова о месте его работы не были столь радужными. Об этом вспоминает другая узница лагеря Ольга Викторовна Второва-Яфа. Вот, в её пересказе, впечатление Серебрякова о Филипповой пустыни, где он трудился:

«Соловки — страна чудовищно-жутких контрастов, — говорил он. — Я живу в Филипповой пустыне, где некогда спасался митрополит Филипп. Сейчас там находится зоопитомник, а для обслуживания его туда выделены самые подонки соловецкого населения, и то, что сейчас там творится, превосходит позор всякого публичного дома, всякого воровского притона. Контраст между тем, чем было в течение веков это место, освящённое молитвами спасавшихся там праведников и многих тысяч паломников, и тем, что теперь там происходит, чудовищен, оскорбителен для каждого, в ком ещё живо религиозное чувство или хотя бы уважение к нашему историческому прошлому» (Второва-Яфа, 1995, с. 40).

Серебряков полагал, что в горниле страданий народ-богоносец, возможно, снова обретет Бога — вспоминает там же Второва-Яфа. О Серебрякове она пишет:

«петербуржец, как и я, он был историк-медиевист, а здесь, в лагере, заведовал питомником пушных зверей и в связи с этим вёл такой кочевой образ жизни, расселяя своих питомцев по всему Соловецкому архипелагу: на Анзер он привёз <...> партию песцов, в Кемь ездил за выпитыми из Америки породистыми бобрами» (там же, с. 39–40).

Другой заключенный — Никонов-Сморозин — упоминал, что Серебряков перенёс тиф:

«Его положили в Никольский корпус. По ходатайству Туомайнена за ним учредили индивидуальный уход. Через полтора месяца он явился на питомник худым и бледным. На расспросы только отвечал: “Что там рассказывать? Лежал в какой-то мертвецкой. Кругом трупы. Сегодня принесут — завтра уже труп”» (Никонов-Сморозин, 1938, с. 206).

Мать переписывалась с сыном постоянно. Какое-то время она даже записывала, какого числа она получала корреспонденцию, что и когда отправляла сама. Например, в мае, по всей видимости, 1926 г. она отправила ему 4-го — письмо, 9-го — письмо, 13-го —

⁶⁷ Имеется в виду Соловецкий кремль.

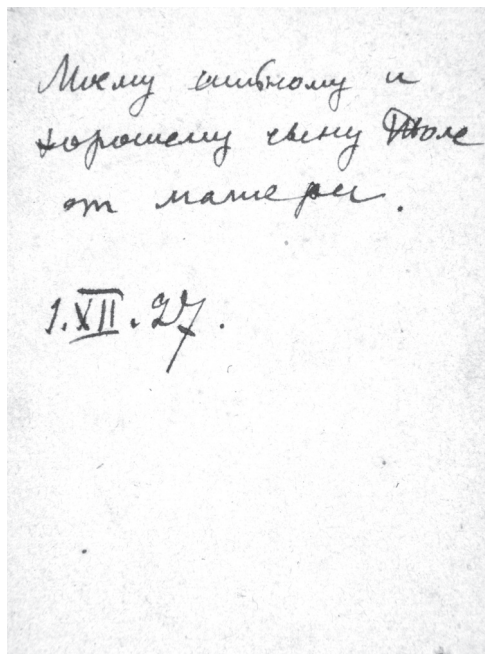

Рис. 9, 10. Екатерина Александровна Серебрякова. Фотография, подаренная А.Э. Серебрякову (ОР ГРМ Ф. 156. Д. 240. Л. 1 и 1 об.)

посылку, 16-го — письмо, 20-го — посылку, 22-го — письмо, 25-го — посылку, 27-го — посылку, 27-го — 7 руб., 30-го — письмо⁶⁸. Попав в больницу, 12 января 1927 г. она пишет:

«Выйду ли отсюда. Бедные Толя, Петя, Павел Николаевич. Я знаю, Паня⁶⁹ будет тосковать, Петя тоже, но хуже всего будет Толе. Надо, чтобы Петя отправился к Крастину и посоветовался о Толе, а также написать Марусе, чтобы хлопотала через Кр[асный] Крест»⁷⁰.

Сохранилась фотография, очевидно, находившаяся с Анатолием в лагере, с надписью на обратной стороне: «Моему сильному и хорошему сыну Толе от матери. 1.XII.27» (рис. 9, 10)⁷¹.

Мать навещала сына на Соловках, по крайней мере она была у него в июле-августе 1929 г., судя по дневнику. 17 июля 1929 г. она пишет: «Думала сегодня ехать к Толе, но не удастся... Поеду завтра. Был у нас 15го Туомайнен. Толя чувствует себя хорошо, есть надежды, что в этом году его оттуда отпустят».⁷² 23 сентября 1929 г. она писала: «31 августа возвратилась от Толи, где провела 40 дней. 30 дней мы жили вместе в одной комнате. 10 дней взяло путешествие из которых 6 дней прождала на Попове о[стро]ве, ожидая разрешения»⁷³.

⁶⁸ ОР ГРМ Ф. 156. Д. 35. Л. 31.

⁶⁹ Павел Николаевич Филонов.

⁷⁰ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 37. Л. 11.

⁷¹ Там же. Д. 240. Л. 1.

⁷² Там же. Д. 39. Л. 55 об.

⁷³ Там же. Д. 40. Л. 61 об.

В заключении Анатолия повидал и брат. В дневнике матери от 4 апреля 1931 г., есть рассказ об этом эпизоде.

«Петя по дороге из Мурманска остановился на ст. Медвежья гора. Зашел во 2ое отделение СИКМИТЛ⁷⁴, сказал, что около 7 лет брата не видел и просит свидания. Толе дали знать, что к нему приехали на свидание. Толя ждал меня. Удивился и сильно обрадовался, увидев Петю. Виделись 2 раза. Был у Толи в комнате, обедали. Ночевать пошли в Повенец, где [Толя] устроил [Петю] в Повенце, а сам возвратился в питомник»⁷⁵.

В ОР ГРМ есть фотография Анатолия Эсперовича, где он снят с песком в руках в зверосовхозе г. Повенец (рис. 11)⁷⁶. Возможно, эта фотография была сделана именно во время этого визита.

Доподлинно неизвестно по какой причине, но было принято решение сократить Анатолию Эсперовичу срок наказания. В дневнике матери значится в записи от 28 ноября 1928 г.:

«Два письма, пересланные П.Н., получила от Толи. Все тяжелее и тоскливее ему. Хотя он пишет, что бодр и работа не дает времени скучать, но тоской по иной жизни пронизано письмо. Знает ли он, что спустили два года»⁷⁷.

Возможно, сокращение срока заключения было как-то связано со звероводческими успехами Серебрякова. Успехи эти, несомненно, были. В записи матери от 17 декабря 1928 г. фигурирует надежда, что Анатолия Эсперовича отпустят сделать доклад:

«Завтра, после завтра, до 20, жду Толю. Неужели я его не увижу?! Отпускали же других в его положении. И я с тех пор ему не пишу; так надеюсь его увидеть. А он то как волнуется. Ведь сказали ему Туомайнен о поданном заявлении отпустить Толю для доклада об ондатре»⁷⁸.

Упомянутую в письме ондатру в 1926 г. по инициативе профессора-охотоведа В.Я. Генерозова выпустили на нескольких озерах Соловков — таким образом, впервые в СССР был поставлен опыт акклиматизации и разведения этих зверьков⁷⁹. В работе по акклиматизации вполне успешно участвовал А.Э. Серебряков. 17 февраля 1929 г. мать пишет:

«Днем ко мне приехала Сыркус передать поклон от Толи. Она его видела случайно, когда он <...> пришел в комендатуру <...> Он пришел с какими-то бумагами относительно ондатры и ей показалось, что к Толе относятся с большим почтением»⁸⁰.

⁷⁴ Соловецкий и Карело-Мурманский исправительно-трудовой лагерь.

⁷⁵ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 41. Л. 5 об.

⁷⁶ Там же. Д. 236. Л. 2. На обороте: «д. Толя в зверосовхозе г. Повенец».

⁷⁷ Там же. Д. 40. Л. 69.

⁷⁸ Там же. Д. 38. Л. 18 об, 19.

⁷⁹ В августе 1929 г., проф. Н.К. Верещагин впервые выпустил сотню канадских ондатр на материке на территории современного Уватского района Тюменской области.

⁸⁰ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 39. Л. 18. С её же слов можно представить облик Серебрякова в это время: «Лицо его ... интересное, а особенно глубокие выразительные глаза... Произвел впечатление юноши 25 лет» (Там же).

Рис. 11. А.Э. Серебряков в зверосовхозе г. Повенец (ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 236. Л. 2.
На обороте: «д. Толя в зверосовхозе г. Повенец»)

Наконец, стали поступать сведения о возможности досрочного освобождения. В письме от 2 мая 1931 г. Анатолий пишет «Ему начальство сказало, что он свободен, но бумаг из Москвы еще нет»⁸¹. Однако из упоминавшейся уже справки, выданной Святошинским районом милиции г. Киева при взятии Серебрякова на учёт, следует, что он был освобожден из УСЛАГ'а ОГПУ⁸² гораздо позже — 12 января 1932 г. в соответствии со свидетельством за № 219⁸³. Всё же это на два года раньше, чем через 10 лет, к которым он был приговорён. В письмах выказывалось желание Анатолия остаться в Карелии, где «к условцам хорошо относятся»⁸⁴, но все-таки он приехал в Ленинград.

После освобождения. Работа для Издательства Академии наук и Института истории науки и техники

Дневник Е.А. передает напряжённость ожидания Толиного возвращения. Сначала весть об освобождении передал брату по телефону Туомайнен, что в первых числах января Толю освободят «в чистую». Потом было получено «спешное» письмо от

⁸¹ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 41. Л. 32.

⁸² Управление Соловецкого лагеря особого назначения (УСЛАГ) Объединенного государственного политического управления (ОГПУ).

⁸³ Там же. Д. 245. Л. 1.

⁸⁴ Там же. Д. 41. Л. 87 об.

М.Н. Сидоровой, что скоро Толя будет дома. И наконец, 15го вечером пришла «молния-телеграмма» от неё же: «16 утром приедет Толя».

«Петя всю ночь не спал, узнав, что поезд приедет в 6 ч.у. В 4 у. 16го пошел пешком на вокзал. Поезд опоздал на два часа с половиной. Около десяти Толя веселой походкой вошел в мою (нашу с П.Н.) комнату, раздевшись у Пети. Восемь мучительных лет прошло и Толя опять с нами. Тихая радость и особенное спокойствие наполнили меня. Глядел он бодрым, хотя последние 2 месяца работал без устали, желая оставить все в порядке и передать свой опыт заместителям»⁸⁵.

Незаметно до нового 1931 года он получил согласие от Марии Николаевны Сидоровой, с которой познакомился в Повенце, стать его женой, и 7 февраля (?) 1932 г. они поженились⁸⁶. По возвращении начались хлопоты по устройству на работу, получению вида на жительство. А.Э. Серебряков ездил в Москву «повидать Туомайнена и Петряева,⁸⁷ похлопотать о месте (по своей новой специальности — звероведа)»⁸⁸. Ездил во Владимир, куда у него было направление, но чтобы там прописаться, нужно было там пожить, что в его планы не входило. Обсуждались два возможных места работы — Казань и Киев. Приглашение пришло из Киева.

Представляется важным привести один из эпизодов, связанных с этим временем, описанных в дневнике матери. Являясь выразительным свидетельством своего времени, он косвенным образом раскрывает для нас и взгляды Анатолия Эсперовича. Е.А. подробно описывает прощальный обед перед отъездом сына в Киев. Стол приготовлен был в комнате брата Пети, Павел Николаевич Филонов (рис. 12) много времени с ними проводил, разговаривал обо всем с Толей. Понравилась всем и Мария Николаевна. Мать вспоминала, как провожала его с отцом (видимо, когда он в первый раз покидал Россию) и не могла говорить. Застольные слова П.Н. Филонова мать передает пространно:

«Несколько лет назад в этой самой комнате Толя сидел и как старинный витязь на распутье раздумывал, по какой дороге ему пойти. Пойти налево — коня потерять; пойти направо — самому пропасть и — выбрать не сумел, несмотря на советы своей матери. Обдумывая свое решение, он не случайно попал в Соловецкие питомники пушных зверей, где провел 8 лет, пройдя такую школу жизни, которая будет равна окончанию пятнадцати лучших университетов <...>. Теперь Толя снова в этой комнате, и я надеюсь, что на этот раз он понял, что ему делать. Мы, ваша мать, брат и я, люди целиком и полностью верящие в партию и в правильность ее великой работы, требуем от Толи, чтобы он понял эту небывалую титаническую работу партии, за которой идут и пойдут миллионы лучших людей и пошел за партией, чтобы со всей силой и энергией стать вернейшим союзником пролетариата в его последней решающей борьбе, борьбе классов»⁸⁹.

⁸⁵ Там же. Д. 42. Л. 8, 9.

⁸⁶ Там же. Д. 44. Л. 33. Запись от 7 февраля 1937 г.: «Толя с Марией пришли к нам отпраздновать пятилетие их свадьбы».

⁸⁷ Петряев Павел Александрович (1892–?) — секретарь Соловецкого общества краеведения. В Соловках — с 19 июня 1925 г. по 2 декабря 1927 г. (Горяшко, 2007).

⁸⁸ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 42. Л. 9 об.

⁸⁹ Там же. Л. 11.

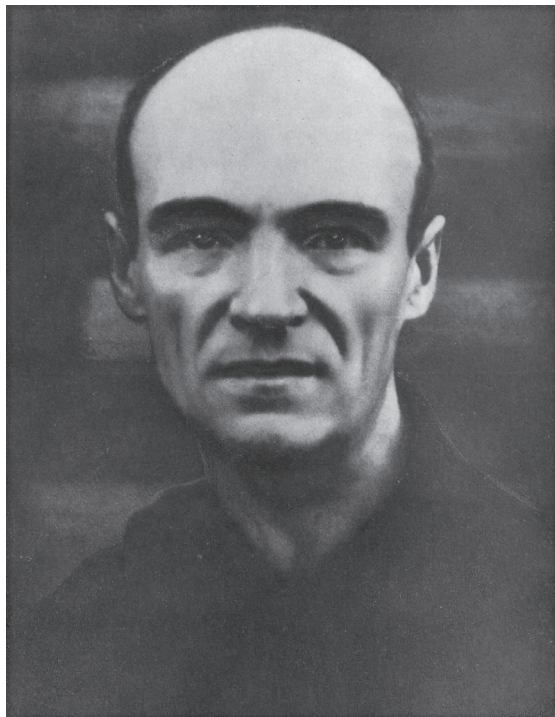

Рис. 12. Павел Николаевич Филонов. 1931 (Вклейка к ст. Глебовой, 1986)

Впрочем, в своей «небывалой титанической работе» партия дала Анатолию Эсперовичу поучаствовать недолго. Впереди у него было всего 6 лет.

Первое время он работал в Киеве, куда прибыл, как уже сообщалось, 13 марта 1932 г. и куда вскоре за ним приехала и жена. Они звали в гости мать, но она не выбралась к ним. В Ленинград приезжали. Так с 13 октября по 7 ноября 1932 г. Анатолий с женой были у матери. «Время с Толей и Марией провели хорошо — больше дома, беседа на разные темы: преимущественно об искусстве. Толе хотелось поближе познакомиться с положениями П.Н. Два дня рисовал под впечатлением объяснений П.Н. “как нужно рисовать”».⁹⁰

Анатолий Эсперович даже писал о Филонове. Мать вспоминает в дневнике:

«24го мая [1936 г.] был у меня Толя. Принес прочесть статью о П[авле] Н[иколаевиче]. Она много глубже и интереснее первой его статьи, написанной два года тому, как по подходу, так и пониманию искусства Пани и его личности. Весь вопрос у нас был в том, кому ее дать и как дать. На человека с чутьем она должна произвести большое впечатление и решение проявить активность?!»⁹¹

Через некоторое время Анатолий Эсперович перебрался в Ленинград. К сожалению, в сохранившихся в ОР ГРМ дневниковых записях матери есть пробел между 20 февраля

⁹⁰ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 43. Л. 21.

⁹¹ Там же. Д. 44. Л. 2. Мне в настоящее время неизвестно, были ли опубликованы эти статьи.

1933 г. и 24 апреля 1936 г., и точное время его переезда не известно. В Ленинграде он стал сотрудником Академии наук СССР, где работал в редакции при издательстве как переводчик, о чём пишет Филонов в своём дневнике (Филонов, 2000, с. 74, 357).

В 1934 г., по его собственному свидетельству, он был привлечён к работе в Институте истории науки и техники (ИИНиТ) в секции истории Академии наук и написал статью «Зоологический кабинет Кунсткамеры» (Серебряков, 1936), задуманную как первая часть работы по истории Зоологического музея Академии наук. Согласился он на эту работу не без колебаний, но найти, как он писал, «широко образованного зоолога с историческим уклоном, согласного взяться за это дело, надежды было мало»⁹².

Имени Анатолия Эсперовича нет среди выявленных штатных и нештатных сотрудников ИИНиТ, упомянутых А.Н. Дмитриевым (2002) в работе, специально посвящённой истории института в 1932–1936 гг. Дмитриев отмечает «известную трудность в установлении точного списка постоянных сотрудников института», поскольку имелось «значительное число работников по договору». Особенно активно квалифицированных специалистов по истории к договорной работе привлекал учёный секретарь института Матвей Александрович Гуковский (1898–1971). Гуковский, как и Серебряков, был учеником И.М. Гревса.

Единственная известная нам пространная работа Серебрякова, как свидетельствует сноска, сделанная им к заголовку статьи, представляет собой «первую часть работы по истории Зоологического музея Академии Наук» (Серебряков, 1936, с. 69). Каким образом Серебряков считал необходимым писать эту историю, известно из его письма Владимиру Ивановичу Вернадскому:

«<...> историю Зоологического Музея следует писать на фоне, с одной стороны, общей истории Академии наук и социально-политической и экономической истории России, а с другой стороны, общей истории зоологии и истории зоологии в России»⁹³.

В духе этой развернутой программы Серебряков начинает излагать историю музея не с 1832 г. — принятой даты его основания, а с Зоологического кабинета Кунсткамеры, даже с первой поездки Петра за границу в составе Великого посольства. Прежде, чем перейти к частному — к первой отечественной зоологической коллекции, — он рассматривает общее — широкий европейский контекст, в котором происходило становление как науки Нового времени в целом, так и зоологической науки в частности.

Первая глава, названная Серебряковым «Зоологические музеи Западной Европы к началу XVIII столетия», даёт краткий, но ёмкий анализ становления музейного дела в Европе. Серебряков не ограничивается перечислением и описанием имевшихся к этому времени собраний, но указывает на социально-экономические причины развития интереса к эмпирической науке, связанные со сменой феодального строя на

⁹² АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1495 (1938). См.: http://www.ras.ru/VArchive/pageimages/518/3_1495/001.jpg. Здесь поднята одна очень важная проблема, связанная со специфическими трудностями написания историко-биологического исследования. Взгляд профессионального биолога и взгляд историка на один и тот же материал существенным образом разнятся. Некоторой попыткой преодолеть эту трудность является тесное сотрудничество профессиональных историков и биологов (см. к примеру: Зоологические коллекции... 2012).

⁹³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1495 (1938). См.: http://www.ras.ru/VArchive/pageimages/518/3_1495/001.jpg.

буржуазно-капиталистический. Серебряков показывает, что музейное дело возникает из потребностей развивающегося торгового капитала, «народившегося нового торгового класса, сменившего местную торговлю на международную», из потребности развивающейся мануфактуры, горного дела. Становится понятным, почему центром сбора коллекций и первым источником материалов для отечественного собрания становится Голландия с её факториями в Ост- и Вест-Индии.

Указав на социально-экономические преобразования, происходившие в это время, Серебряков отмечает, что в идеологической сфере борьба протекала между аристотелевской наукой, опиравшейся на авторитет церкви, и новой эмпирической наукой; он рассматривает, как эмпирическая наука освобождалась от взгляда на окружающую природу «сквозь призму, — как он пишет, — античной науки в церковном ее истолковании». Серебряков указывает на возникновение особого слоя «любителей знания», прослеживает формирование первых объединений таких людей в академии, выясняет роль музеев в формировании точного знания. Он разбирает роль медицинского сословия в становлении зоологии, анализирует взгляды эпохи, нацеленные на коллекционирование редкостей, приводит в пример коллекции Себы и Рюйша, попавшие впоследствии в Россию. Собственно здесь мы видим классический исторический подход, применённый умело и красиво. Читателю подаются не только сухие факты, о приобретении такого-то собрания в таком-то году, как это нередко бывает, когда историю коллекции излагает зоолог. Он получает объяснения фактов и их исторического значения. Серебряков умело сочетает рассуждения об общих тенденциях с рассказом о деталях.

В этом же духе написана и вторая глава «Зарождение и история Кунсткамеры». Здесь Серебряков поясняет, почему привезенные Петром коллекции получили такую блестящую будущность. Питательной средой для этого послужило развитие медицины в России и конкретно та среда, которая сложилась в течение XVII в. в Аптекарском приказе, куда попали первые покупки Петра. Серебряков приводит имена врача и дипломата Петра Посникова, архиатера Арескина, послуживших успешности первых шагов собрания. В этой главе, разбирающей первые 25 лет Кунсткамеры, дан ответ на вопрос, почему первоначальное собрание не превратилось в придворный музей, служащий лишь любознательности монарха, а выросло в общепризнанное государственное учреждение. Фундамент развития Кунсткамеры, по мнению автора, составляли те лица, которые оценивали её с практической точки зрения, как источник естественно-исторических знаний, необходимых для познания естественных богатств России, как орудие культурного воздействия. Помимо самого Петра, это были И.А. Мусин-Пушкин, А.М. Черкасский, Л.Л. Блюментрост, И.Д. Шумахер и др. Из этого понимания происходят указы Петра о сборе коллекций в России, организация первых экспедиций. Небольшой круг русских и иностранцев, послуживших средой для быстрого роста культурных начинаний, состоял из лиц, много путешествовавших по Европе, на нём сказывались музейные традиции Запада и присущее Западу понимание задач музея.

Наконец, третья глава — «Первый зоологический кабинет Академии наук» — написана с таким же широким подходом, как и две предыдущие главы. В ней разбирается, как имевшаяся уже коллекция вошла во взаимодействие со вновь организованной Академией наук. Особое значение для развития музея, считает Серебряков, имел состав академиков. В России не было почвы для конфликта, который раздирал Западную Европу. Академия сформировалась из представителей самой передовой новой науки Запада, которой не грозило реакционное влияние многовековой традиции старых университетов. Роль медицинского сословия была велика. Все первые творцы академи-

ческого музея были врачами. Серебряков называет Арескина и Блюментроста, Мессершмидта и Буксбаума, Дювернуа, Гмелина, Вейтбрехта, Вильде, Аммана, Стеллера. На первых порах господствовало зоотомическое и физиологическое направления, но и систематическое направление быстро развивалось.

Музей этого периода охарактеризован исчерпывающе. Внешний и внутренний вид музея настолько наглядно изображен, как будто автор ведёт экскурсию по зданию. Разобран принцип размещения коллекций, система, положенная в основу. Анализ зоологической литературы конца XVII в. приводит Серебрякова к выводу, что в классификации млекопитающих экспозиция следовала системе Джона Рэя (Ray, 1693), а птиц — системы Фрэнсиса Уиллоби (Willughby, 1678). Проанализирован состав коллекции, доля отечественной фауны. Дано сравнение с другими современными музеями, с Лейденским особенно подробно. Не голословным поэтому оказывается утверждение, что Санкт-Петербургская Кунсткамера — это один из первых крупных европейских музеев, отказавшихся от традиций предшествовавшей эпохи. Серебряков указывает, что к 1740 г. Зоологический кабинет превратился в значительный по размеру музей. В зоологическом собрании по его подсчёту были представлены: 2112 анатомических экспонатов (человека и животных), 212 млекопитающих (включая части и скелеты), 755 птиц и 137 гнезд и яиц, 456 рыб, 760 рептилий, более 200 ракообразных и других морских животных, более 1500 насекомых (главным образом бабочек) и 650 раковин. К наиболее важным публикациям по этому периоду истории Кунсткамеры он относит “*Musei Imperialis Petropolitani*” в 2 томах и 6 частях (1741–1745) и «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры» (1741).

Анализ цитирования показывает, что автор работы свободно пользовался основными европейскими языками и латынью. В работе использованы старинные энциклопедии на немецком, французском, английском и русском языках, 11 публикаций на латыни, 4 англоязычных источника XVII–XIX вв., 3 издания XVIII в. на немецком, 4 издания XVIII–XX вв. на французском, в том числе одно только что изданное в 1934 г. по истории медицины, 1 голландский каталог, 12 разных русских источников, включая многотомное издание Материалов по истории Академии наук М.И. Сухомлинова, Полное собрание законов Российской империи, Протоколы конференции АН. Наконец, есть ссылка и на собственноручные каталоги Шумахера из Архива АН⁹⁴. Работа написана увлекательно и притом очень простым, выразительным языком.

Сама возможность работать по специальности, публиковаться в академическом издании была для Анатолия Эсперовича большой радостью. В феврале 1936 г., когда все собрались вместе праздновать день рождения его брата Петра, мать записала в дневнике его слова:

«Теперь легче будет отпраздновать выход моей первой статьи «о Кунсткамере» (в издании Академии наук) а то пришлось бы в два приема — с мамой и Петей, с мамой и П.Н.»⁹⁵. В этом же году, 20 ноября (?) 1936 г. Е.А. записала: «Вчера Толя с Марусей пришли, предложив отпраздновать первое появление его статьи в издании Академии. Посидели до 2х часов. Несколько отрывков он нам прочитал»⁹⁶.

⁹⁴ 1 папка каталогов библиотеки и Кунсткамеры № 102. Опись № 1: *De animalibus quadrupedibus, avibus, piscibus et insectis*.

⁹⁵ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 44. Л. 13 об.

⁹⁶ Там же. Л. 27 об.

Оттиск, подаренный автором библиотеке ЗИН и подписанный Серебряковым, датирован 10 ноября 1936 г.

Девятый том «Архива истории науки и техники» был подписан к печати уже после ликвидации ленинградского ИИНиТ и оказался последним.

Из письма Серебрякова, адресованного Вернадскому по совету сотрудника ИИНиТ Сергея Николаевича Чернова⁹⁷, известно, что он продолжал изучать историю музея и, в основном, собрал материал для второй части её до конца XVIII в., но ввиду ликвидации ИИНиТ был вынужден приостановить эту работу. Был собран обширный материал и для последующих периодов вплоть до 1932 г., когда Зоологический музей был преобразован в Зоологический институт⁹⁸. Работал он много. 23 июля 1936 г. мать писала: «Толя <...> работает не менее 12–14 часов последнее время — особенно с тех пор, как много времени отдает своей научной работе»⁹⁹. В письме Вернадскому упоминается ещё одна тема работы Серебрякова:

«для того чтобы избежать поверхностности в этом вопросе¹⁰⁰, необходимо проследить историю одного какого либо конкретного вопроса. Я выбрал своим объектом “мамонта или ископаемого слона” по следующим соображениям: в XVIII веке этот вопрос имел глубокое принципиальное значение: в его решении русская наука и русский материал сыграли большую роль»¹⁰¹.

Работа о Кунсткамере не была единственным историческим исследованием, выполненным Серебряковым для Зоологического музея. Так 8 мая 1937 г. он делал в ЗИНе доклад о Бюффоне. Мать писала:

«В 7 часов предстояло научное собрание в Зоологическом институте Академии Наук в зале заседания института. Доклады Н.М. Книпович. К вопросу о потеплении Северных морей. А.Э. Серебряков. Значение Бюффона в развитии естествознания (к 150-летию со дня его смерти). Часов в 7 отправились вместе с Паней на доклад. На первый опоздали из-за перемены маршрута прокатились на двух трамваях и на автобусе»¹⁰².

В период работы над рукописью работы о Кунсткамере он также сделал два доклада.

⁹⁷ Сергей Николаевич Чернов (1887–1942) — известный историк декабристского движения. В 1920-е гг. преподавал в Саратове, в 1930 г. работал учёным секретарем Комиссии по истории знаний (КИЗ), в конце 1931 г. был арестован, но вскоре освобожден, после чего переведён в научные сотрудники КИЗ.

⁹⁸ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1495 (1938). См.: http://www.ras.ru//VArchive/pageimages/518/3_1495/002.jpg

⁹⁹ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 44. Л. 45 об.

¹⁰⁰ В изучении истории биологии.

¹⁰¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1495 (1938). Л. 1. Не имея прямых доказательств, я могу предположить, что какие-то соображения Серебрякова были известны В.Е. Гарутту, писавшему об истории первых находок мамонтов на территории России. В том же письме Вернадскому (Л. 2) Серебряков указывает, что часть результатов он изложил в статье «Мамонт и история палеонтологии в XVIII веке», находившейся в печати в журнале «Природа» к моменту написания письма (6 апреля 1938 г.). Однако обнаружить её в журнале за этот год не удалось.

¹⁰² ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 44. Л. 60.

Последний арест

Опубликовать материалы, собранные Серебряковым по истории Музея, не удалось. В 1938 г. он был арестован. По свидетельству Д.С. Лихачёва, Анатолий Эсперович, уклоняясь от неизбежного при переписи вопроса о вере в бога, уехал в Петрозаводск (Анциферов, 1992, с. 499–500)¹⁰³. Это короткое свидетельство говорит о том, что скрывать свою веру Серебряков не считал возможным. Д.С. Лихачёв пересекался с ним ещё на Соловках и подружился, видимо, в тот период, когда они трудились вместе в Издательстве АН, куда Лихачёв был переведён в 1934 г. (Лихачёв, 1991, с. 55) и где 4 года работал «учёным корректором». Мать, однако, описывает обстоятельства ареста сына по-другому: его забрали из дома.

Первым был арестован брат Анатолия Эсперовича — Пётр Эсперович Серебряков. Имущество его было конфисковано и частично уничтожено. Серебрякова писала: «в ночь с 11 на 12 февраля увезли Петю. Через дней 7–8 узнала, что он находится в тюрьме на ул. Воинова. Разрешено ежемесячно вносить 60 р.»¹⁰⁴. Однако деньги вскоре перестали принимать: «Не могу примириться, как мне сказали в “Бюро пропусков”, на 10 лет без права переписки»¹⁰⁵. Формулировка «10 лет без права переписки» была призвана скрыть от населения масштабы репрессий и, как правило, означала расстрел.

Через некоторое время забрали и Анатолия. 19 сентября 1938 г. мать, задним числом вспоминая последовательность событий, пишет о втором своём сыне:

«8го июня обыск был у Толи, под утро 9го его увели. Скоро мы узнали, что он на ул. Воинова. 5 июля Мария передала для него 60 р. 29-го узнала, что он числится за военной прокуратурой на ул. Герцена, что следствие ведётся и что через месяц-полтора оно окончится <...> 5го августа П.Н. отвез деньги Толе <...> Деньги не приняли»¹⁰⁶.

22 сентября с Екатерины Александровны взяли подписку о невыезде. 25 ноября у неё случился инсульт. Филонов трогательно выхаживал её.

В октябре, когда, по всей видимости, обоих сыновей уже не было в живых, мать совершила попытку выяснить их участь. Она пишет: «13 октября я отправила тов. Сталину и Берии письмо относительно моих двух сыновей. Мне назначают явиться 28 ноября в секретариат Н.К.В.Д. СССР. Я получила письмо 22 <...> ноября»¹⁰⁷. 30 ноября Е.А. пишет: «28 ноября была в Н.К.В.Д. Получила ответ: что в силе остается <неразб> (возможно — ИТЛ108), т.е. на 10 лет без

¹⁰³ Во фрагменте, посвящённом Серебрякову в лагерных воспоминаниях Лихачёва, сказано буквально следующее: «Неузнанный Серебряков [мать в Париже, но, кажется, не художница] подгонял. <...> [Впоследствии мы с ним подружались. На воле в Ленинграде. Он, уклоняясь от переписи тридцатых годов, при которой надо было отвечать “веруешь ли в бога” и верующих арестовывали, — уехал в Петрозаводск и пропал.]» (Лихачёв, 1991, с. 80–81).

¹⁰⁴ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 44. Л. 56 об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 66.

¹⁰⁶ Там же. Л. 62 об. Из Архива УФСБ: «Повторно Серебряков А.Э. был арестован Управлением НКВД по Ленинградской области 8 июня 1938 г. по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-6 УК РСФСР в ред. 1926 г. (шпионаж). На момент ареста работал по договорам научным сотрудником и переводчиком при Академии наук СССР, проживал в Ленинграде, ул. Литераторов, д. 19, кв.13».

¹⁰⁷ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 44. Л. 80 об.

¹⁰⁸ Исправительно-трудовой лагерь.

права переписки. Я ночь проболела»¹⁰⁹. Анатолий так же, как и Петр, был «выслан без права переписки». «29 [декабря 1938 г.] пошел П.Н. и узнал что Анатолий выслан на 10 лет, без права переписки. Я боялась пойти, а места не сказали»¹¹⁰.

Некоторые подробности этих дней описаны в дневнике Филонова за последние числа 1938 г.:

«30 [декабря]. <...> Сегодня днем невестка ходила в Военную прокуратуру узнать о сыне дочки, Толе, своем муже. Она пришла в слезах, еле держалась на ногах, я должен был отпереть ей дверь ее комнаты, сама она была не в силах. Когда я ввел ее в комнату, она, рыдая, бросилась на кровать. “Толя умер”, — сказала она со стоном. <...> Когда умер, отчего, схоронен или нет, где найти его труп, он [следователь — НВС] не сказал. Невестка рыдала, полулежа на диване. Я стоял, утешая ее чем мог, расспрашивая, думая, чем грозит это событие моей дочке¹¹¹ и как держать себя с ней. <...> Ни невестка, ни я не можем верить, что смерть Толи — правда. Он был здоровый, упитанный, на редкость выносливый и неприхотливый. Трудно, нельзя как-то верить, что он навсегда пропал для матери. Я говорю невестке: будем готовы и к тому, что это правда, и к тому, что это ошибка. С середины лета передачу ему не разрешали. В чем его обвиняют, мы не знаем. Сегодня Дмитриев сказал невестке: “Имейте в виду — он был очень серьезный политический!”» (Филонов, 2000, с. 445–446).

Дневник Филонова сохранил и парадоксальную мысль жены Серебрякова Марии Николаевны: «Как мог он умереть, когда я жду его каждый день!» (Филонов, 2000, с. 447). В свидетельстве о смерти от 2 февраля 1939 г., выданном жене Марии Николаевне (1898–1955), сказано, что Серебряков умер 8 июля 1938 г. «Причина смерти: воспаление легких»¹¹². Такие свидетельства выдавали нечасто.

Больной матери о смерти Толи не сказали и 1 января 1940 г. она пишет после встречи Нового года: «Мы все сказали будем ждать Петю и Толю. Я думаю, что война кончится, а в победе никто не сомневается и мои сыновья будут с нами»¹¹³. Павел Николаевич Филонов умер от голода в блокадном Ленинграде в 1941 г. Е.А. Серебрякова умерла в блокадную зиму 1942 г., чуть пережив П.Н. Филонова (Глебова, 1986).

Заключение

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале статьи, относительно причин, по которым А.Э. Серебрякову удалось так подробно и разносторонне осветить первые шаги развития старейшей отечественной зоологической коллекции, можно сказать следующее. Во-первых, это был по образованию профессиональный историк,

¹⁰⁹ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 44. Л. 80 об.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Дочкой Филонов называл свою жену, Екатерину Александровну Серебрякову.

¹¹² Там же. Д. 245. Л. 2. Из Архива УФСБ: «Согласно имеющегося в деле акта о смерти, Серебряков А.Э. умер 8 июля 1938 г. в медпункте тюрьмы УГБ УНКВД ЛО от паралича сердца. Постановлением УНКВД ЛО от 1 августа 1938 г. следственное дело прекращено за смертью обвиняемого. Заключение Прокуратуры Санкт-Петербурга от 21 марта 2003 г. Серебряков А.Э. по данному делу реабилитирован».

¹¹³ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 44. Л. 81.

к тому же имевший опыт музейной работы в составе Эрмитажного кружка. Он, несомненно, относился к носителям блестящей культуры Серебряного века. Можно сказать, что он ещё в юности прошёл некую общую музейную подготовку, позволившую ему подобрать материал таким образом, что в точном историческом исследовании он сохраняет популярную и даже художественную форму изложения. Здесь можно отдельно упомянуть его учителя — И.М. Гревса, известного своим подходом к преподаванию, предполагавшим активное использование экскурсионной работы. В статье, несомненно, отражается талант Анатолия Эсперовича как популяризатора. Во-вторых, в лице Анатолия Эсперовича мы имеем человека с хорошим знанием иностранных языков. В-третьих, наконец, в его лице мы имеем человека, хоть и в вынужденных условиях ссылки и принудительной работы, приобретшего некоторый интерес к биологическим дисциплинам.

Особую ценность представляет подход Анатолия Эсперовича, сформулированный им в письме Вернадскому и состоящий в том, что историю Зоологического музея следует писать на фоне, с одной стороны, общей истории Академии наук и социально-политической и экономической истории России, а с другой стороны, общей истории зоологии и истории зоологии в России. К сожалению, Зоологический институт, готовящийся праздновать 300-летие своих коллекций, все еще не имеет так написанной своей истории. Остается только пожалеть, что бурные и трагические обстоятельства XX в. в России не дали возможность Анатолию Эсперовичу Серебрякову продолжить свою работу.

Благодарности

Автор благодарит за помощь и обсуждение Александра Валерьевича Кобака, Сергея Олеговича Мамонова, Галину Алексеевну Марушину, Сергея Яковлевича Резника, Валентину Михайловну Ушакову, Сергея Ивановича Фокина, Леонида Яковлевича Жмудя.

Литература

Ray John. Synopsis methodica animalium Quadrupedum et Serpentinae generis. Londini: Impensis S. Smith & B. Walford, 1693. [16], 336, [8] с.

Willughby F. The ornithology of Francis Willughby of Middleton in the country of Warwick esq, fellow of the Royal Society: in three books / by John Ray. L.: print. by A.C. for John Martyn, printer to the Royal soc., 1678. 441 p.

Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. М.: Феникс: Культур. инициатива, 1992. 512 с.

Бродский Ю.А. Соловки. Двадцать лет особого назначения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 528 с.

Второва-Яфа О.В. Авгуровы острова // Истина и жизнь. 1995. № 10. С. 32–47.

Генерозов В.Я. Ондатра — американская выхухоль — и ее акклиматизация на Соловецких островах. Соловки, 1927. 75 с. (Материалы СОК, вып. II).

Глебова Е.Н. Воспоминания о брате / [вступ. статья Д. Гранина; послесл. М. Земской] // Нева. 1986. № 10. С. 148–177.

Глезеров С.Е. К истории краеведческого движения в Лесном // Невский архив: ист.-краевед. сб. Вып. 5 / Балт. гуманитар. фонд; [ред.-сост. В. В. Антонов, А. В. Кобак]. СПб., 2001. С. 232–254.

- Глезеров С.Е.* Лесной. Гражданка. Ручьи. Удельная... М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 479 с.
- Горяшко А.А.* Биостанция особого назначения // Московский журнал. История государства Российского. 2007. № 11. С. 17–23.
- Дарвин Ч.* Собрание сочинений Т. 6: Путешествие вокруг света на корабле «Бигль»: дневник / под ред. В.В. Битнера; пер. с англ. Э.А. Серебрякова. СПб.: О-во «Вестник знания», 1913. 542 с.
- Дженкс Э.* Происхождение верховной власти / пер. с англ. Э. Серебрякова. СПб., 1907. 152 с.
- З-н А. [Захваткин А.]* Краеведение на Соловках // Карело-Мурманский край. 1927. № 12. С. 10–13.
- Конечный А. М., Кумпан К. А.* Петербург в жизни и трудах Н. П. Анциферова // Анциферов Н.П. «Непостижимый город...»: сб. / вступ. ст. и примеч. А.М. Конечного, К.А. Кумпан. СПб.: Лениздат, 1991. 333 с.
- Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках: социально-политический и научный контекст / ред.-сост. Н.В. Слепкова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. 404 с.
- Лихачев Д.С.* Я вспоминаю / предисл. Н.Г. Самвеляна. М.: Прогресс, 1991. 256 с.
- «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. / сост. В.Н. Гинев, А.Н. Цамутали. Л.: Лениздат, 1989. 413 с.
- Никонов-Сморodin М.З.* Красная каторга. София: Изд-во Н.Т.С.Н.П., 1938. 371 с.
- Отчет Соловецкого отделения Архангельского Общества Краеведения за 1924–26 годы // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. III. Издание Бюро Печати УСЛОН. Соловки, 1927. С. 1–106.
- ...Пребывает вечно. Письма П.А. Флоренского, Р.Н. Литвинова, Н.Я. Брянцева и А.Ф. Вангейма из Соловецкого лагеря особого назначения: в 4 т. Т. 1 / авт.-сост. П.В. Флоренский. М.: Междунар. центр Рерихов, 2011. 632 с.
- Ренан Э.* История происхождения христианства: в 7 кн. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2009. Кн. 5: Евангелия и второе поколение христианства / пер. с фр. Э.А. Серебрякова. 251 с.
- Серебряков А.* Исторический очерк краеведческой работы на Соловках // Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения. Соловки, 1926. (Мат-лы СОК, вып. 1). С. 3–8.
- Серебряков А.* Исторический очерк краеведческой работы на Соловках // Соловецкие острова. 1926. № 2–3. С. 103–108.
- Серебряков А.* Исторический очерк краеведческой работы на Соловках // Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения. 2-е изд. Соловки, 1927. (Мат-лы СОК, вып. 16). С. 9–15.
- Серебряков А.Э.* Зоологический кабинет кунсткамеры // Архив истории науки и техники. Вып. 9. 1936. С. 70–128.
- Серебряков Э.А.* Революционеры во флоте // Былое. № 4. 1907. С. 96–129.
- Серебрякова Е.А.* Встреча с Дегаевым // Былое. 1924. № 25. С. 65–71.
- Сошина А.А.* Репрессированная наука: ученые в заключении на Соловках // Соловецкое море. Архангельск; М., 2011. Вып. 10. С. 128–140.
- Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. Воспоминания / сост., вступ. статья и примеч. М.Б. Смолина. М., 2000. 720 с.
- Тютчев Н.С.* К истории военной организации «Народной воли» (Памяти Эспера Александровича Серебрякова) // Тютчев Н.С. Статьи и воспоминания: сб. Ч. 1: Революционное движение 1870–80 гг.: ст. по архив. мат-лам / ред. А.В. Прибылева. М., 1925. С. 144–153.
- Филонов П.Н.* Дневник [Текст] / П. Н. Филонов; вступ. ст. Е. Ковтуна. СПб.: Азбука, 2000. 664 с.
- Юхневич М.Ю.* «Я поведу тебя в музей»: учеб. пособие по музейной педагогике / Мин-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии. М., 2001. 223 с.

Historian of the Zoological museum Anatoly E. Serebryakov (1890–1938)

NADEZHDA V. SLEPKOVA

Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; snv@zin.ru

The article describes the life of Anatoly Esperovich Serebriakov (1890–1938) — a historian and an interpreter, author of an unfinished work on the history of the Zoological Museum, the first part of which “The Zoological Cabinet of Kunstkammer” was published in 1936. The son of migrants, who were members of Narodnaya Volya (“People’s Will” Party), a graduate of the Imperial St. Petersburg University, student of I.M. Grevs, member of the Hermitage circle, in Soviet times he was arrested three times. He spent eight years on the Solovetsky Islands, where, working on a fur farm, he specialized as a fur farm operator and developed an interest in biology. He took part in the works on acclimatization of muskrats. In 1934, Serebriakov, who worked as a translator in the Academic Publishing House, was invited to collaborate with the Institute of the History of Science and Technology. In 1938 he was arrested and later killed in prison. In this article, in addition to published sources, biographical materials were used from the Department of Manuscripts of the State Russian Museum — from the diaries of Serebryakov’s mother Ekatherina Alexandrovna Serebryakova, the wife of the prominent painter P.N. Filonov.

Keywords: Anatoliy Serebriakov, Ekaterina Serebryakova, P.N. Filonov, Solovki Society of the Local History, acclimatization of muskrats, Zoological Division of the Kunstkammer, I.M. Gravs, history of the Zoological Institute.